

Научная статья / Scientific article
МРПТИ / IRSTI 02.41.21

<https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-153-4-60-76>

HUMAN SUBJECTIVITY IN THE TRANSFORMATIONAL CONTEXT OF THE KNOWLEDGE SOCIETY: FROM PASSIVE CONSUMER TO ACTIVE CREATOR

Gulbaram KULZHANOVA^a✉, Ekaterina PRILUKOVA^b

^a*Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev, Kostanay, Kazakhstan*

^b*South Ural State University, Chelyabinsk, Russia*

✉ gulbaram2012@mail.ru

Abstract. The article presents a philosophical analysis of the transformation of human subjectivity in the era of the knowledge society. The purpose of the research is to reveal the peculiarities of changes in the status of the subject in the digital age and to determine the possibilities for preserving human autonomy in a technologically mediated environment. The scientific novelty of the study lies in the philosophical substantiation of the transition from the model of passive consumption of knowledge to the model of active creation of meanings. Unlike traditional sociological and cultural interpretations, the authors consider subjectivity as a process of spiritual, moral, and cognitive self-determination, in which reason, conscience, and creativity are integrated. The methodological basis of the research includes hermeneutic analysis, an interdisciplinary approach, and conceptual reconstruction of ideas of domestic and foreign philosophers. Particular attention is paid to the interrelation between knowledge, technology, and human freedom within the digital environment. It is shown that philosophy performs not only an interpretative but also an existential and protective function aimed at preserving the integrity of the individual and the ability for critical reflection. Based on the ideas of Kazakh thinkers, the study reveals the spiritual and moral nature of subjective activity associated with self-improvement and cultural responsibility. The article substantiates the necessity of rethinking philosophical anthropology in the light of the challenges of the digital age, where knowledge becomes a strategic resource and the subject acts as a creator of new meanings and values. The research concludes that the preservation of subjectivity is possible only if it is understood as a dynamic and value-oriented category formed through choice, effort, and personal responsibility.

Keywords: subjectivity; knowledge society; digitalization; philosophical anthropology; identity; critical thinking; posthumanism

For citation:

Kulzhanova G., Prilukova E. Human subjectivity in the transformational context of the knowledge society: from passive consumer to active creator // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 153. – No. 4. – P. 60-76. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-153-4-60-76>.

БІЛІМ ҚОҒАМЫНЫҢ ТРАНСФОРМАЦИЯЛЫҚ ЖАҒДАЙЫНДАҒЫ АДАМ СУБЪЕКТІЛІГІ: ПАССИВТІ ТҰТЫНУШЫДАН БЕЛСЕНДІ ЖАСАМПАЗҒА ДЕЙІН

Гульбарам КУЛЬЖАНОВА^а, Екатерина ПРИЛУКОВА^б

^аҚазақстан Республикасы Ішкі істер министрлігінің Шырақбек Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, Қостанай, Қазақстан, Қостанай, Қазақстан

^бОңтүстік Орал мемлекеттік университеті, Челябині, Ресей

СУБЪЕКТНОСТЬ ЧЕЛОВЕКА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ УСЛОВИЯХ ОБЩЕСТВА ЗНАНИЯ: ОТ ПАССИВНОГО ПОТРЕБИТЕЛЯ К АКТИВНОМУ СОЗИДАТЕЛЮ

Гульбарам КУЛЬЖАНОВА^а, Екатерина ПРИЛУКОВА^б

^аКостанайская академия МВД РК имени Ширакбека Кабылбаева, Костанай, Казахстан

^бЮжно-Уральский государственный университет, Челябинск, Россия

Аңдатпа. Мақалада білім қоғамы дәуіріндегі адам субъектілігінің трансформациясы философиялық тұрғыдан талданады. Зерттеудің мақсаты – цифрлық дәуірде субъект мәртебесінің өзгеру ерекшеліктерін айқындау және адамның технологиялық тұрғыдан басқарылатын ортада дербестігін сақтау мүмкіндіктерін анықтау. Зерттеудің ғылыми жаңалығы – білімді тұтынудың пассивті моделінен мағыналарды белсенді құру моделіне өтуді философиялық тұрғыдан негіздеуде. Дәстүрлі элементтанулық және мәдениеттанулық түсіндірулерден айырмашылығы, авторлар субъектілікті ақыл, ар-ождан және шығармашылық бірігетін рухани-адамгершілік және когнитивтік өзін-өзі анықтау үдерісі ретінде қарастырады. Зерттеудің әдіснамалық негізін герменевтикалық талдау, пәнаралық тәсіл және отандық пен шетелдік философтардың идеяларын тұжырымдамалық қайта құру құрайды. Білім, технология және адам еркіндігі арасындағы өзара байланыс мәселесіне ерекше назар аударылады. Философия тек түсіндіру қызметін ғана емес, сонымен қатар тұлғаның тұтастығын және сыни рефлексия қабілетін сақтауға бағытталған экзистенциалды-қорғау қызметін де атқаратыны көрсетіледі. Қазақ ойшылдарының идеялары негізінде субъектілік белсенділіктің рухани-адамгершілік табиғаты, өзін-өзі жетілдіру мен мәдени жауапкершілікпен байланысы ашылады. Мақалада цифрлық дәуірдің сын-қатерлері жағдайында философиялық антропологияны қайта пайымдау қажеттілігі дәлелденеді. Зерттеу нәтижесінде субъектілікті таңдау, күш-жігер және жеке жауапкершілік арқылы қалыптасатын динамикалық әрі құндылыққа бағытталған категория ретінде түсінгенде ғана оны сақтау мүмкін екені тұжырымдалады. **Түйін сөздер:** субъектілік; білім қоғамы; цифрландыру; философиялық антропология; сәйкестік; сыни ойлау; постгуманизм

Аннотация. Статья посвящена философскому осмыслению трансформации субъектности человека в эпоху становления общества знания. Цель исследования – раскрыть особенности изменения статуса субъекта в цифровую эпоху и определить возможности сохранения человеческой автономии в технологически управляемой среде. Научная новизна работы заключается в философском обосновании перехода от модели пассивного потребления знаний к модели активного созидания смыслов. В отличие от традиционных социологических и культурологических трактовок, авторы рассматривают субъектность как процесс духовно-нравственного и когнитивного самополагания, в котором соединяются разум, совесть и творчество. Методологическую основу составляют герменевтический анализ, междисциплинарный подход и концептуальная реконструкция идей отечественных и зарубежных философов.

Особое внимание уделяется взаимосвязи знания, технологий и человеческой свободы в цифровой среде. Показано, что философия сегодня выполняет не только интерпретативную, но и экзистенциально-защитную функцию, направленную на сохранение целостности личности и её способности к критической рефлексии. На основе идей казахстанских мыслителей раскрывается духовно-нравственная природа субъектной активности, связанная с внутренним самосовершенствованием и культурной ответственностью человека. Обоснована необходимость переосмысления философской антропологии в свете вызовов цифровой эпохи, когда знание превращается в стратегический ресурс, а субъект – в созидателя новых смыслов и ценностей. Проведённое исследование показывает, что сохранение субъектности возможно лишь при понимании её как динамической и ценностно нагруженной категории, формирующейся в пространстве выбора, усилия и ответственности личности.

Ключевые слова: субъектность; общество знания; цифровизация; философская антропология; идентичность; критическое мышление; постгуманизм

Для цитирования:

Кульжанова Г., Прилукова Е. Субъектность человека в трансформационных условиях общества знания: от пассивного потребителя к активному созидателю // *Jete – Journal of Philosophy, Religious and Cultural Studies*. – 2025. – Vol. 153. – No. 4. – С. 60-76. <https://doi.org/10.32523/3080-1281-2025-153-4-60-76>.

Введение

В начале XXI века человечество вступило в эпоху глубоких перемен, связанных со становлением общества знания – социокультурной формации, в которой информация, технологии и интеллектуальные ресурсы становятся главными факторами развития и управления. Эти процессы затрагивают не только социальные институты и экономические структуры, но и фундаментальные представления о человеке, его автономии, свободе и ответственности. Возникает фундаментальный философский вопрос: сохраняет ли человек субъектность в цифровую эпоху или постепенно редуцируется до функции внутри технотехнологических систем?

Современная цифровая реальность, организованная алгоритмическими и платформенными механизмами, изменяет формы восприятия, коммуникации и действия. Человеческое поведение становится объектом измерения, прогнозирования и контроля, что ставит под сомнение традиционные границы субъективности. Цифровизация приводит к подмене индивидуального волевого выбора автоматизированными процессами, вследствие чего формируется новая модель соотношения человека и техники.

Проблематика субъектности при этом приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Она определяет возможность сохранения человеческого как активного начала в процессах смыслопроизводства, культурного участия и критического мышления. От способности человека осмысленно действовать, творить и нести ответственность зависит направление развития общества знания.

Цель статьи – выявить философские предпосылки изменения понимания субъектности человека в цифровую эпоху и обозначить возможные пути её актуализации в современном социокультурном пространстве. Исследование направлено на раскрытие тех оснований, которые позволяют человеку сохранять способность к свободному выбору, творческому самоопределению и ответственности за создаваемые смыслы.

Новизна работы состоит в философском осмыслении субъектности как динамического процесса самоопределения личности в цифровом обществе, где интеллектуальные и технологические механизмы всё чаще начинают выполнять функции, ранее принадлежавшие человеческому сознанию. Показано, что сохранение субъектного начала требует развития философской культуры, критического мышления и цифровой ответственности как новых форм человеческого участия в общественной жизни.

Материалы и методы

Настоящее исследование опирается на комплекс философских и междисциплинарных методов, включающих герменевтический и концептуальный анализ, философскую реконструкцию и элементы сравнительного подхода. Выбор методологии обусловлен стремлением выявить не только понятийные изменения в трактовке субъектности, но и глубинные основания этих сдвигов. Такой подход позволяет рассматривать проблему

не как абстрактно-теоретическую конструкцию, а как живое явление, проявляющееся через культурные и технологические процессы современности.

В качестве методологической основы использованы герменевтический метод, обеспечивающий интерпретацию смысловых структур философских текстов и концепций; концептуальный анализ, направленный на выявление логики формирования понятия «субъектность» в различных философских традициях; а также философская реконструкция, позволяющая проследить эволюцию данного понятия от классической модели автономного разума до современных антропотехнологических интерпретаций.

Применение интегративного подхода обусловлено необходимостью анализа субъектности не только в философском, но и в социокультурном и антропологическом измерениях. В рамках исследования сопоставляются результаты философских и культурологических работ, а также данные современных гуманитарных дисциплин, посвящённых цифровизации и развитию общества знания.

Эмпирическую базу составляют тексты и исследования, раскрывающие влияние цифровых технологий на процессы самопознания и самореализации человека. Использование аналитического и интерпретативного подходов позволило выявить взаимосвязь между изменением форм коммуникации, структурой знания и становлением новых моделей человеческой субъектности.

Философский дискурс

Переосмысление субъектности в обществе знания связано с изменением статуса разума, опыта и действия в эпоху цифровых технологий. Классическая философия рассматривала субъекта как автономное начало познания и деятельности, тогда как новые концепции акцентируют внимание на процессуальном и реляционном характере субъективности. Индивид уже не является самодостаточным центром смысла; его активность распределяется в сетевых структурах коммуникации и технологических системах.

Развитие цифровых технологий создало иные формы взаимодействия между человеком и техникой, где границы между субъектом и объектом становятся всё менее определёнными. Алгоритмы и автоматизированные платформы не только расширяют возможности разума, но и изменяют способы восприятия, мышления и принятия решений. Возникает новая антропологическая ситуация, в которой сознание включено в гибридные системы, объединяющие биологическое, социальное и технологическое измерения.

Философия последних десятилетий всё настойчивее отказывается от представления о субъекте как центре мира, видя в нём участника сложной ткани взаимосвязей. Это предполагает отказ от идеи господства разума над реальностью и переход к модели соучаствующего субъекта, действующего в поле взаимных влияний техники, культуры и общества. В таком подходе субъектность предстает не как данность, а как процесс, требующий постоянного подтверждения через выбор, ответственность и творческое действие.

Сохранение активного начала в цифровую эпоху связано с развитием способности к критическому мышлению, рефлексии и этическому самоопределению. Эти качества поддерживают внутреннюю целостность индивида перед вызовами технологического

мира и позволяют рассматривать цифровую реальность не только как угрозу автономии, но и как пространство новых форм творчества и самореализации. Таким образом, философское исследование субъектности сосредоточено на поиске оснований, позволяющих сохранить свободу, смысл и инициативу в мире, где границы человеческого и искусственного всё более размываются.

Литературный обзор

Феномен субъектности в рамках общества знания осмысливается в широком спектре философских и социогуманитарных исследований, раскрывающих эволюцию представлений о человеке, знании и культуре в эпоху технологической модернизации. На протяжении XX–XXI веков философская мысль обращалась к вопросам автономии, свободы и критического разума, рассматривая их как основания человеческого существования в мире, где информационные процессы и технологические инновации определяют характер социальных и культурных изменений.

Концепция общества знания получила развитие в трудах Ф. Махлупа, П. Друкера, Д. Белла и в докладах ЮНЕСКО, где знание трактуется как основной фактор общественного прогресса и формирования новых моделей социальной организации. В отечественной философии значительный вклад внесли А. Ракитов, А. Карпов, В. Сагатовский и К. Делокаров, обращавшие внимание на этическое и антропологическое измерения знания. Г. Бехманн, Ю. Хабермас, Н. Луман и П. Берк показали, что знание выступает не только инструментом рационального управления, но и структурным элементом коммуникации и культуры, влияющим на формирование идентичности и способы социального взаимодействия.

Критическая линия философской мысли, представленная М. Фуко, Ж. Бодрийяром, Б. Стиглером и Ш. Зубофф, выявляет двойственную природу общества знания. С одной стороны, развитие цифровых технологий создаёт новые возможности для творчества и коммуникации; с другой – порождает механизмы контроля и зависимости, способные ограничивать автономию личности и снижать её способность к критическому действию.

Современные исследования усиливают эту проблематику, акцентируя внимание на антропологических последствиях цифровизации. И.А. Герасимова (2021) рассматривает цифровые технологии как фактор глубинных когнитивных и этических трансформаций человека, Е.Н. Труфанова и Ш.Дж. Хан (2022) анализируют изменение культурной идентичности и границ субъективного опыта в цифровую эпоху. Казахстанский философ Р.С. Сартаева (2024) подчёркивает важность сохранения национальной идентичности и духовно-нравственных оснований субъектности в процессе цифровой трансформации общества. Т.Х. Габитов, А.А. Кожан и Г.А. Шадинова (2025) развивают культурологический аспект, показывая роль молодёжи в поддержании традиционных ценностей и формировании новой субъектности, соединяющей инновации и преемственность. Китайский исследователь W. Yuan (2023) рассматривает цифровое бытие человека с позиции философии тела и духа, связывая технологическую среду с онтологией присутствия.

Таким образом, современная философская рефлексия смещается от описания внешних эффектов цифровизации к осмыслению её антропологических оснований. Несмотря на обилие исследований, остаётся недостаточно раскрытым вопрос о переходе от

пассивного восприятия информации к активной форме субъектности в обществе знания. Существующие концепции чаще акцентируют внимание на экономических и технологических аспектах цифровых трансформаций, чем на внутренних духовно-нравственных и философских основаниях активности человека. Настоящее исследование направлено на восполнение этого пробела – на выявление условий, при которых субъект способен сохранять творческое и ответственное начало, преодолевая риски технократической редукции.

1. Общество знания и вызовы субъектности

С середины XX века философская рефлексия всё настойчивее стремится к переосмыслению идеи «общества знания» как особого этапа в эволюции цивилизации. В этой формации производство, распространение и использование знания становятся не просто средствами экономического роста, но определяющими факторами культурных, политических и антропологических преобразований. В философском отношении это означает смещение центра тяжести цивилизационного прогресса: знание перестаёт быть лишь инструментом и приобретает онтологический статус, становясь способом существования человека в мире.

Следует подчеркнуть, что знание в истории мысли никогда не сводилось исключительно к прагматическому измерению. Оно всегда несёт антропологическую и аксиологическую нагрузку, поскольку касается самого основания человеческого существования. Таким образом, вопрос о знании выступает не только экономическим или социологическим, но и глубоко философским – он затрагивает возможность человека оставаться субъектом, способным к самополаганию, критической рефлексии и ответственности.

Историко-философская традиция показывает, что уже в античности знание осмыслялось не как утилитарный инструмент, а как форма постижения истины и соучастия в бытии. В диалоге «Теэтет» Платон через фигуру Сократа задаётся вопросом «что есть знание?» и приходит к выводу, что знание не сводится к чувственному восприятию, но представляет собой припоминание истины, ранее усвоенной душой (Платон, 1993). Познание, таким образом, выступает актом духовного воспоминания, способом сопричастности человека к идеальному миру. Становление субъектности предстает как экзистенциальное движение к истине, в котором человеческое бытие раскрывается через мысль.

Аристотель развивает эту линию, утверждая, что «все люди по природе стремятся к знанию» (Аристотель, 2006). Это стремление основано не на жажде фактов, а на способности удивляться — первоисточнике мышления. Знание в этом контексте является не только результатом рассудочной деятельности, но и проявлением внутренней активности духа, направленной на реализацию сущностных возможностей человека. Субъектность здесь формируется не как данность, а как процесс перехода из возможности в действительность посредством разума и опыта.

Поворот в трактовке субъектности совершается в эпоху Нового времени. Декарт в знаменитом *Cogito, ergo sum* утверждает субъекта как автономный центр рациональности (Декарт, 2001). Мысль становится не просто доказательством существования, но условием самого бытия. Это фиксирует новый тип субъектности — самодостовой, самополагательной, основанной на акте мышления. Субъект тем самым становится началом и мерой истины, а знание — выражением его автономии.

Эта линия получает развитие у Канта, связывавшего знание с нравственной зрелостью и ответственностью. В эссе «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» философ призывает: «имей мужество пользоваться собственным разумом!» (Кант, 1994). Знание, таким образом, предстает не только когнитивным инструментом, но актом свободы, формой морального самоопределения личности. В кантовской философии субъектность объединяет разум и долг, свободу и ответственность, задавая ценностные основания понимания знания как человеческого призвания.

Особое место занимает философия Гегеля, утверждающего, что человек есть не просто индивидуум, но «существо родовое», чья сущность раскрывается в разуме и духе (Гегель, 2000). Субъектность у Гегеля – это не замкнутая автономия, а диалектический процесс самопознания, где индивидуальное сопрягается с универсальным. Знание становится формой исторического движения духа, посредством которого человечество осознаёт и воспроизводит себя.

Таким образом, классическая философия утверждает субъекта как носителя разума и свободы, а знание – как путь к истине и способ самополагания. Однако уже в XX веке на первый план выходит вопрос о судьбе субъекта в мире, где знание превращается в ресурс власти, экономики и технологий.

Поворотным моментом становится работа Махлупа «The Production and Distribution of Knowledge in the United States» (Machlup, 1962). Он одним из первых рассматривает знание как экономический ресурс, формирующий новые отрасли производства и определяющий динамику общественного роста. Тем самым философско-экономическая мысль делает шаг к институционализации знания как фактора цивилизационного развития.

Эти идеи получают развитие у Друкера и Белла, утверждавших переход от индустриального к постиндустриальному обществу. В их концепции главным ресурсом становится не материальное производство, а информация и способность человека работать со знаниями. Белл показывает, что новая социальная структура выстраивается не вокруг собственности на материальные ресурсы, а вокруг доступа к информации и компетенциям её использования. Таким образом, знание превращается не только в экономический, но и в социокультурный капитал, определяющий положение личности в обществе.

Гуманитарное осмысление общества знания получает развитие в докладе ЮНЕСКО «К обществам знания» (ЮНЕСКО, 2005), где подчёркивается, что знание выступает не только двигателем экономического прогресса, но и основой демократизации, социальной интеграции и культурного многообразия. Это задаёт философское понимание знания как общественного блага, требующего равного доступа и справедливого распределения.

Если информация представляет собой совокупность данных, поддающихся передаче и обработке, то знание включает их интерпретацию, осмысление и соотнесение с человеческим опытом. Тем самым знание не тождественно информации: оно возникает лишь там, где данные превращаются в смысловой и духовный опыт.

Развитие концепции общества знания получает особое направление в трудах российских и зарубежных философов конца XX – начала XXI века. А.И. Ракитов рассматривает общество знания как «новый цивилизационный переход», в котором знание становится не только информацией, но и инструментом антропологического преобразования (Ракитов, 2005). По его мысли, формируется новая реальность, где субъект включается в процессы преобразования как активный соучастник. Знание при

этом выступает не только средством познания, но и формой бытия человека, способом его самоопределения.

Российский исследователь А.О. Карпов продолжает эту линию, различая понятия «общество знаний» и «знающее общество». Он подчёркивает, что современная цивилизация должна ориентироваться не столько на накопление информации, сколько на справедливое распределение знания, предполагающее этическое измерение (Карпов, 2015). Здесь знание понимается как категория, соединяющая рациональное и моральное начала, а общество знания – как пространство личностного и культурного развития.

Созвучную позицию высказывает немецкий философ Г. Бехманн, отмечая, что практически все современные исследователи, стремящиеся осмыслить уникальность нынешней эпохи, выделяют трансформирующую роль знания (Бехманн, 2010). В его интерпретации знание – не просто инструментальный ресурс, а центральный элемент социетальной динамики, влияющий на институциональные структуры и на саму идентичность личности. Иначе говоря, знание становится силой, изменяющей природу социального взаимодействия и формирующей вектор культурной эволюции.

Значительный вклад в развитие философии общества знания вносит М. Кастельс. В его фундаментальной трилогии «Информационная эпоха: экономика, общество и культура» показано, что именно знание и коммуникационные технологии образуют новую ткань социальной реальности (Кастельс, 1996). Сети становятся не просто техническим инструментом, но структурной формой общества, определяющей характер социальных связей. Информация превращается в основу власти, экономики и культуры, порождая новый вызов – угрозу утраты автономии субъекта, всё чаще определяемого не как инициатор знания, а как элемент сетевых потоков.

Ю. Хабермас, развивая теорию коммуникативного действия, подчёркивает двойственную природу знания. С одной стороны, оно является системным ресурсом, обеспечивающим функционирование институтов; с другой – элементом «жизненного мира», где формируются смыслы, ценности и практики повседневности (Хабермас, 2014). Философ предупреждает: жизненный мир может подвергаться колонизации системной рациональностью – экономикой и политикой. Отсюда – необходимость защиты автономии субъекта, сохраняющего способность к критической рефлексии и созданию смыслов.

Берк в «Социальной истории знания» показывает, что знание следует рассматривать в его культурно-исторической «биографии» (Burke, 2000). Оно рождается в конкретных практиках, институтах и формах коммуникации, неизбежно неся на себе отпечаток эпохи. Таким образом, знание предстает как живая ткань человеческой истории, в которой философия, наука и культура образуют взаимосвязанное целое.

Н. Луман в своей системной социологии предлагает иной взгляд: общество, по его мнению, следует понимать, как систему коммуникаций, а не как совокупность индивидуальных сознаний (Luhmann, 1997). Именно коммуникация выступает носителем знания, а субъект включается в неё как элемент сети воспроизводства смыслов. Субъектность проявляется не столько в автономии, сколько в способности участвовать в сложной системе взаимосвязей и непрерывного смыслопорождения.

Наряду с позитивными интерпретациями общества знания формируется и критическая традиция, акцентирующая риски утраты субъектности в цифровую эпоху. М. Фуко показывает, что истина – не универсальная данность, а «вещь этого мира», возникающая

из множества ограничений и форм принуждения (Фуко, 2002). Знание, таким образом, становится не только средством развития, но и механизмом дисциплинарной практики, встроенной в стратегии власти и контроля.

Ж. Бодрийяр в «Симулякрах и симуляции» утверждает, что в эпоху гиперреальности знание утрачивает связь с действительностью и превращается в поток симулякров (Бодрийяр, 2000). В этом мире знаки подменяют реальное, а субъект становится «симулякром субъекта», чьи действия сводятся к реакциям на алгоритмически заданные сигналы.

Современные исследования цифрового общества усиливают эти опасения. Зубофф в книге «Эра надзорного капитализма» показывает, что цифровые экосистемы сводят личность к источнику поведенческих данных (Zuboff, 2019). Индивидуальная идентичность фрагментируется и подчиняется логике прогнозирования, превращаясь в объект технократической регуляции.

Парадокс современности состоит в том, что в «обществе знания» растёт невежество. Современный мыслитель З. Сардар определяет это явление как «невежество в кубе», подчёркивая, что избыточные информационные потоки подменяют глубокое знание поверхностными представлениями, создавая иллюзию осведомлённости (Сардар, 2012).

Французский философ Делёз в концепции «общества контроля» анализирует распределённые формы власти, действующие через сети, алгоритмы и коды, незаметно модифицирующие поведение индивидов. Цифровая среда формирует гибридные и порой парадоксальные образы взаимодействия человека и технологий, что подчёркивает И. А. Герасимова в исследовании «Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения» (Герасимова, 2021).

Б. Стиглер вводит понятие «пролетаризации духа», указывая, что цифровые технологии, облегчая доступ к информации, парадоксальным образом ослабляют способность к памяти и критическому мышлению (Stiegler, 1998). Человек перестаёт быть субъектом знания и становится пользователем технологий, зависимым от алгоритмов и цифровых посредников.

Современные философы отмечают, что цифровая трансформация не только ускоряет коммуникацию, но и формирует новые когнитивные границы личности (Труфанова, Хан, 2022). В условиях «информационного взрыва» восприятие становится фрагментарным, а мышление – поверхностным. Отсюда философский парадокс: знание одновременно расширяет горизонты и угрожает утратой глубины и целостности.

К.Х. Делокаров справедливо замечает, что идея общества знания является продолжением просветительской парадигмы, но нуждается в этической рефлексии (Делокаров, 2010). Он подчёркивает: общество знания – не просто модель будущего, а становящаяся реальность, требующая нравственного основания. В.Н. Сагатовский также утверждает, что знание не может существовать вне этического контекста: оно должно обосновывать выбор и направлять действие (Сагатовский, 1997).

Таким образом, философское рассмотрение феномена общества знания показывает, что на протяжении всей истории знание выступает не только инструментом познания, но и условием формирования субъектности. От античных представлений Платона и Аристотеля о сопричастности истине через рационализм Декарта и кантовскую моральную автономию к гегелевской диалектике духа – во всех этих подходах субъектность мыслится как внутреннее усилие человека быть источником смысла и действия.

Концепции второй половины XX – начала XXI века демонстрируют, что знание приобретает статус стратегического, социального и антропологического фактора, определяющего направления общественного развития. В русле постструктуралистской и критической философии выявляется его двойственная природа: знание способно как освобождать, так и подчинять, одновременно раскрывать потенциал субъекта и лишать его автономии.

Исходя из этого, общество знания предстает как поле напряжения между свободой и контролем, между творческой самоактивностью и алгоритмической зависимостью. В рамках данной диалектики формируется один из основных вопросов современности — каким образом возможно сохранение субъектности как центра смысловой инициативы в мире, где знание становится не только средством, но и формой власти.

2. От пассивного потребителя к активному субъекту

В ходе исследования было выявлено, что обществу знания присуща двойственность: оно одновременно открывает новые горизонты для развития человеческой субъектности и несёт риски её редукции до уровня функции в технократически управляемой системе. Такая амбивалентность требует внимательного философского анализа, поскольку необходимо рассматривать не только угрозы, но и возможности выхода человека за пределы, навязанной ему роли.

В классической философской традиции субъектность никогда не понималась как раз и навсегда данное качество. Уже в античной мысли (Платон, Аристотель) человек предстает как существо, чья сущность раскрывается в стремлении к знанию и действию. В эпоху Нового времени Р. Декарт и И. Кант показали, что субъект – это не просто носитель разума, но деятель, несущий ответственность за применение этого разума. Представители Франкфуртской школы Т. Адорно и М. Хоркхаймер в «Диалектике Просвещения» отмечали, что индустрия развлечений формирует стандартизированные формы мышления и поведения (Адорно, Хоркхаймер, 1997). Маркузе в «Одномерном человеке» развил эту идею, указывая, что индивид принимает готовые формы мира, утрачивая способность к критической рациональности (Маркузе, 2003). Следовательно, образ «пассивного потребителя» не является изобретением цифровой эпохи, а продолжает более ранние культурные и философские диагнозы.

Особого внимания заслуживает сама фигура «пассивного потребителя», позволяющая выявить реальные угрозы для субъектности в технологически опосредованной реальности. Современная цифровизация делает эту проблему особенно острой: человек получает доступ к неисчерпаемым потокам информации, но нередко оказывается неспособным к их критической переработке. Алгоритмы, системы предиктивной аналитики и платформенные сервисы формируют среду, где субъект рискует утратить способность к самостоятельному выбору. Так возникает феномен «пассивного потребителя» – личности, лишённой рефлексивной активности и превращённой в объект управления данными.

Вместе с тем феномен алгоритмического контроля наиболее наглядно проявляется в механизме так называемой «эхо-камеры», когда цифровые платформы, используя алгоритмы персонализации, выстраивают для пользователя замкнутое информационное пространство. В нём человек сталкивается преимущественно с совпадающими по

содержанию и тону сообщениями, что формирует эффект самоподтверждения и лишает возможности встречи с альтернативными точками зрения. Эхо-камера становится средой обитания «пассивного потребителя», где выбор информации оказывается предопределённым, а стимулы к рефлексии и критическому мышлению ослабевают. Пассивное потребление в этом случае не является свободным выбором, а выступает навязанным условием, закреплённым архитектурой цифрового пространства. В философском отношении это приводит к подрыву базовой онтологической способности субъекта к смысловому творчеству: место творческого осмысления мира занимает воспроизводство уже существующих, алгоритмически поддерживаемых смыслов (Sardar, 2012).

Современные исследователи также обращаются к этой проблеме. Прилукова и её коллеги отмечают, что в постинформационном обществе возникает феномен симуляции знаний и творчества: внешне воспроизводятся формы познания, но утрачивается гносеологический потенциал как основание субъективного мышления (Прилукова и др., 2022). Китайский философ Юань Вэй показывает, что цифровая эпоха трансформирует само понимание человеческой телесности и субъектности, связывая знание с новой формой онтологического присутствия (Yuan, 2023). В.А. Емелин добавляет, что алгоритмические технологии, облегчая коммуникацию, одновременно формируют зависимость от цифровых систем, что ведёт к ослаблению рефлексии и самостоятельного мышления (Емелин, 2020).

Эти наблюдения демонстрируют, что фигура «пассивного потребителя» имеет универсальное значение: она фиксирует кризис субъектности, вызванный как глобальными процессами цифровизации, так и культурными особенностями современности. Пассивность в данном случае не является результатом исключительно индивидуального выбора – она структурируется самой архитектурой цифрового пространства, которое предугадывает и направляет действия человека.

Однако наряду с западноевропейской критикой технократической рациональности в философии Казахстана формируется иная – духовно-гуманистическая перспектива осмысления активности субъекта. В философском отношении особое значение приобретает обращение к духовно-нравственным основаниям активной субъектности, разработанным в трудах современных казахстанских мыслителей.

Р.С. Сартаева указывает, что цифровая трансформация общества ставит перед человечеством задачу поиска баланса между глобальными тенденциями и сохранением культурно-национальной идентичности, поскольку именно духовные ценности и этические ориентиры служат источником подлинной субъектной активности. В её концепции человек рассматривается как нравственно ответственное существо, способное к внутреннему самосовершенствованию, критической рефлексии и созиданию мира, основанного на ценностях гуманизма и культурного многообразия. Тем самым подлинная активность субъекта понимается не как внешняя социальная вовлечённость, а как процесс духовного самоопределения и этического выбора, в котором личность утверждает свою свободу и целостность (Сартаева, 2024).

В концептуальном измерении эти идеи развивают представление о субъектности как о внутренней духовной работе, где соединяются разум, совесть и творчество. Такое понимание позволяет рассматривать активность не как реакцию на внешние вызовы, а как акт самополагания и самоответственности. Она выражает не только способность адаптироваться к социальным и технологическим изменениям, но и готовность

сохранять человеческое измерение бытия — способность к смыслопорождению, диалогу и моральной стойкости.

Т.Х. Габитов, А.А. Кожан и Г.А. Шадинова отмечают, что формирование культурной идентичности в современном обществе невозможно без активного участия молодёжи, сохраняющей и развивающей национальные традиции. По их мнению, обращение к культурным истокам выступает духовно-нравственным основанием общественного развития и способствует укреплению субъектной активности личности.

В этом отношении следует подчеркнуть, что современные этнокультурные практики осуществляются не только в офлайн-пространстве, но и в цифровой среде – через образовательные, медийные и художественные формы, способствующие сохранению и творческой адаптации традиций.

В их трактовке субъектность не ограничивается автономией – она раскрывается как форма культурной ответственности, соединяющая личное самосовершенствование и участие в коллективных процессах созидания (Габитов, Кожан и Шадинова, 2025).

Таким образом, активный субъект общества знания предстаёт как носитель не только когнитивных и практических способностей, но и духовных, моральных и культурных ориентаций, без которых невозможно полноценное становление личности.

В теоретико-философской перспективе такая субъектность выражает внутреннюю свободу человека, его способность к ценностному выбору и творческому преобразованию мира. Она проявляется в исследовательской и образовательной деятельности, культурных инициативах и гражданских практиках, в стремлении к осмысленному участию в социокультурных процессах, а также в умении сохранять внутреннюю автономию в технологически опосредованном пространстве.

Анализ перехода от «пассивного потребителя» к «активному субъекту» показывает, что речь идёт не только о социально-экономическом или технологическом изменении, но о фундаментальном философском сдвиге. Субъектность в обществе знания не может пониматься как статическая данность: она формируется в пространстве усилия, выбора и ответственности. С одной стороны, цифровые технологии и платформы создают угрозу утраты автономии и превращения личности в объект управления; с другой — именно в этих условиях возникают новые возможности для самоосуществления и критического мышления.

Философская задача состоит в том, чтобы удерживать равновесие: не допускать редукции человека до функции технократической системы и одновременно раскрывать его способность быть источником новых смыслов.

Формирование активной субъектности требует не только философского осмысления, но и конкретных социальных механизмов. К ним можно отнести системы образования, ориентированные на развитие критического мышления и цифровой этики, поддержку культурных практик, способствующих осознанному использованию технологий, а также институциональные меры, направленные на укрепление этической ответственности в цифровой среде.

Подытоживая, следует отметить, что противостояние между пассивностью и активностью субъекта в обществе знания не сводится к абстрактному философскому спору, а выражает одну из центральных антропологических проблем современности. В эпоху цифровизации и алгоритмического управления речь идёт о сохранении способности человека оставаться автором собственного опыта и судьбы, а не лишь

объектом технологических и социальных процессов. Именно здесь решается вопрос о границах свободы и ответственности личности: сможет ли она отстоять право на выбор, критику и созидание или окончательно растворится в навязанных сценариях поведения.

Понимание этой дилеммы позволяет не только выявить угрозы редукции субъектности, но и обозначить пути её укрепления. Среди них – развитие образования как пространства формирования критического мышления, возвращение философии и гуманитарного знания к миссии смыслообразования, поддержка культурных практик, формирующих целостную идентичность, а также создание институтов, защищающих автономию личности в цифровом обществе.

Автор исходит из позиции, что сохранение субъектности в цифровую эпоху возможно лишь при сочетании технологической компетентности с философской культурой, духовной рефлексией и этической ответственностью.

Таким образом, проблема соотношения пассивного и активного измерений субъектности становится не только предметом теоретической дискуссии, но и важнейшей задачей социальной философии, педагогики и культурной политики. Она определяет будущее человека в обществе знания и задаёт необходимость дальнейшего философского осмысления условий формирования зрелой субъектности – вопроса, которому посвящена заключительная часть исследования.

Заключение

Проведённое исследование показывает, что становление общества знания сопряжено с глубокой трансформацией человеческой субъектности. С одной стороны, знание становится главным ресурсом развития и условием формирования новых форм социальной организации; с другой – цифровизация, алгоритмизация и глобализация порождают риски редукции личности до объекта управления и поставщика данных. Эта двойственность подчёркивает необходимость философской рефлексии, способной не только фиксировать угрозы, но и выработать пути сохранения и приумножения человеческой автономии.

Историко-философский анализ убеждает, что субъектность никогда не являлась статичной категорией. На протяжении всей интеллектуальной традиции она осмысливается как становящаяся, динамическая реальность, где свобода, разум и ответственность образуют неразрывное единство. Эволюция представлений о знании и человеке свидетельствует: подлинная субъектность всегда формируется в процессе духовного усилия, самопознания и нравственного выбора.

Современная эпоха придаёт этой проблеме особую остроту. Общество знания одновременно открывает пространство для творчества и самоосуществления и в то же время несёт угрозу потери автономии в условиях технологического и алгоритмического контроля. В этом противоречии проявляется центральная философская дилемма современности – выбор между пассивностью и активностью субъекта. Образ «пассивного потребителя» воплощает риски цифровой эпохи, тогда как идея «активного субъекта» выражает возможность преодоления этих рисков через образование, рефлексию, культурное участие и критическое мышление.

Следовательно, субъектность следует рассматривать не как данность, а как процесс, требующий усилия, выбора и ответственности. Сохранение человека в центре общества

знания – это не только гуманистическая, но и онтологическая задача: необходимо предотвратить его растворение в потоках данных и алгоритмических сценариях, вернуть способность к самопониманию, смыслотворчеству и духовной свободе.

Возвращение философии и гуманитарного знания к их смыслообразующей миссии становится необходимым условием утверждения человеческой идентичности и достоинства в мире стремительных технологических изменений. Именно здесь раскрывается подлинный смысл философии – быть пространством самопонимания и ответственности, где человек вновь становится источником смысла, ценностей и творчества.

Вклад авторов

Кульжанова Г.Т. – написание текста статьи, проведение литературного обзора, оформление и редактирование текста.

Прилукова Е.Г. – научное руководство, концептуальное и методологическое обоснование исследования, редактирование текста.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов

Литература

Адорно Т., Хоркхаймер М. (1997). Диалектика Просвещения. Философские фрагменты / пер. с нем. М.Б. Гнедовского и Ю.Н. Давыдова. – Москва: Республика, 312 с.

Аристотель. (2006). Метафизика / пер. С.А. Жебелёва. – Санкт-Петербург: Издательство Русской христианской гуманитарной академии.

Бехманн Г. (2010). Общество знания — краткий обзор теоретических поисков // Вопросы философии. № 2, 113–126.

Бодрийяр Ж. (2000). Симулякры и симуляция. – Москва: Добросвет.

Burke P. (2000). A Social History of Knowledge. Vol. 1: From Gutenberg to Diderot. – Cambridge: Polity Press, 288 p.

Габитов Т.Х., Кожан А.А., Шадинова Г.А. (2025). Формирование культурной идентичности: роль молодежи в сохранении казахских традиций в условиях глобализации // Адам әлемі, № 2 (103), 10-18.

Гегель Г.В. Ф. (2000). Феноменология духа / пер. с нем. Г. Шпета. – Москва: Наука.

Герасимова И.А. (2021). Цифровые технологии: реалии и кентавры воображения // Вопросы философии, № 10, 65–76.

Декарт Р. (2001). Размышления о первой философии. – Москва: Академический проект.

Делокаров К.Х. (2010). Является ли «общество, основанное на знаниях», новым типом общества? // Концепция «общества знания» в современной социальной теории: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр соц. науч.-информ. исслед. – Москва, 11–29.

Емелин В.А. (2020). Цифровая среда и когнитивное отчуждение личности // Философские науки, № 5, 40–52.

Зубофф Ш. (2019). Эпоха капитализма наблюдения: борьба за человеческое будущее на новой границе власти. – Нью-Йорк: Public Affairs, 691 с.

Кант И. (1994). Ответ на вопрос: что такое Просвещение? // Сочинения в 8 т., Т. 6. – Москва: Чоро, 8–15.

Кастельс М. (1996–1998). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. 1–3. – Оксфорд: Blackwell.

Карпов А.О. (2015). Основные теоретические понятия общества знаний // *Вестник Российской академии наук*, 85 (9), 812–820.

К обществам знания. Всемирный доклад ЮНЕСКО. (2005). – Париж: Издательство ЮНЕСКО, 234 с.

Luhmann N. (1997). *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1162 S.

Маркузе Г. (2003). *Одномерный человек. Исследование идеологии развитого индустриального общества*. – Москва: АСТ.

Machlup F. (1962). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. – Принстон: Princeton University Press.

Платон. (1993). *Тезет* // *Сочинения в 4 т., Т. 2*. – Москва: Мысль.

Прилукова Е.Г., Квятковский Г.Ю., Полякова Ю.В., Бобров Д.В., Лаптев Д.А. (2022). Постчеловек – симулякр подмены человека // *Вестник Челябинского государственного университета*, № 2 (460), 82–88.

Ракитов А.И. (2005). Регулятивный мир: знание и общество, основанное на знаниях // *Вопросы философии*, № 5, 82–94.

Сагатовский В.Н. (1997). *Философия развивающейся гармонии (философские основы мировоззрения)*: в 3 ч. Ч. 1. Введение: философия и жизнь. – Санкт-Петербург: Изд-во СПбГУ, 287 с.

Сартаева Р.С. (2024). К вопросу цифровой трансформации мирового и казахстанского социума: «глобальное» и «национальное», этико-правовые аспекты // *Эл-Фараби*, № 1 (85), 40–57.

Сардар З. (2012). *Постнормальные времена: сложность, неопределённость и философия будущего*. – Москва: ИД «Институт общественного проектирования», 312 с.

Stiegler B. (1998). *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. – Stanford: Stanford University Press, 280 p.

Труфанова Е.Н., Хан Ш.Дж. (2022). Трансформации культурной идентичности в цифровую эпоху // *Вопросы философии*, № 12, 84–94.

Фуко М. (1994). *Слова и вещи. Археология гуманитарных наук*. Санкт-Петербург: А-сэд.

Хабермас Ю. (2014). Знание в современных социальных процессах: прагматический и экзистенциальный аспект // *Современные проблемы науки и образования*, № 3, 1–9.

Yuan W. (2023). *Reflections on Human Subjectivity in the Information Society from the Body Philosophy*. – Beijing: Social Sciences Press.

References

Adorno, T., & Horkheimer, M. (1997). *Dialectic of Enlightenment: Philosophical Fragments*. – Moscow: Respublika. [in Russian]

Aristotle. (2006). *Metaphysics*. Translated by S.A. Zhebelev. – St. Petersburg: Russian Christian Humanitarian Academy Press. [in Russian]

Bechmann, G. (2010). The knowledge society – a brief overview of theoretical inquiries. *Voprosy Filosofii*, (2), 113–126. [in Russian]

Baudrillard, J. (2000). *Simulacra and Simulation*. – Moscow: Dobrosvet. [in Russian]

Burke, P. (2000). *A Social History of Knowledge. Vol. 1: From Gutenberg to Diderot*. – Cambridge: Polity Press. [in English]

Castells, M. (1996–1998). *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vols. 1–3. –Oxford: Blackwell. [in English]

- Dekart, R. (2001). *Meditations on First Philosophy*. – Moscow: Akademicheskiiy Proekt. [in Russian]
- Delokarov, K.Kh. (2010). Is the «knowledge-based society» a new type of society? In *The Concept of the Knowledge Society in Modern Social Theory* (pp. 11–29). – Moscow: INION RAN. [in Russian]
- Emelin, V.A. (2020). Digital environment and cognitive alienation of personality. *Filosofskie Nauki*, (5), 40–52. [in Russian]
- Foucault, M. (1994). *The Order of Things: An Archaeology of the Human Sciences*. – St. Petersburg: A-cad. [in Russian]
- Gabytov, T.Kh., Kozhan, A.A., & Shadinova, G.A. (2025). Formation of cultural identity: the role of youth in preserving Kazakh traditions under globalization. *Adam Alemi*, 2(103), 10–18. [in Russian]
- Gerasimova, I.A. (2021). Digital technologies: realities and centaurs of imagination. *Voprosy Filosofii*, (10), 65–76. [in Russian]
- Habermas, J. (2014). Knowledge in modern social processes: pragmatic and existential aspects. *Sovremennye Problemy Nauki i Obrazovaniya*, (3), 1–9. [in Russian]
- Hegel, G. W. F. (2000). *Phenomenology of Spirit*. – Moscow: Nauka. [in Russian]
- Kant, I. (1994). Answer to the question: What is Enlightenment? In *Collected Works* (Vol. 6, pp. 8–15). – Moscow: Choro. [in Russian]
- Karpov, A.O. (2015). The main theoretical concepts of the knowledge society. *Vestnik Rossiyskoy Akademii Nauk*, 85(9), 812–820. [in Russian]
- Luhmann, N. (1997). *Die Gesellschaft der Gesellschaft*. – Frankfurt am Main: Suhrkamp. [in German]
- Machlup, F. (1962). *The Production and Distribution of Knowledge in the United States*. – Princeton: Princeton University Press. [in English]
- Marcuse, H. (2003). *One-Dimensional Man: Studies in the Ideology of Advanced Industrial Society*. – Moscow: AST. [in Russian]
- Plato. (1993). *Theaetetus*. In *Collected Works* (Vol. 2, pp. 83–216). – Moscow: Mysl. [in Russian]
- Prilukova, E.G., Kvyatkovsky, G.Yu., Polyakova, Yu.V., Bobrov, D.V., & Laptev, D.A. (2022). Posthuman as a simulacrum of human substitution. *Vestnik Chelyabinskogo Gosudarstvennogo Universiteta*, 2(460), 82–88. [in Russian]
- Rakitov, A.I. (2005). The regulative world: knowledge and the knowledge-based society. *Voprosy Filosofii*, (5), 82–94. [in Russian]
- Sagatovsky, V.N. (1997). *Philosophy of Developing Harmony (Philosophical Foundations of Worldview): Part 1. Introduction: Philosophy and Life*. St. Petersburg: SPbU Press. [in Russian]
- Sartaeva, R.S. (2024). On the digital transformation of the global and Kazakh society: ethical and legal aspects. *Al-Farabi*, 1(85), 40–57. [in Russian]
- Sardar, Z. (2012). *Postnormal Times: Complexity, Uncertainty and the Future Philosophy*. Moscow: Institute for Public Design Press, 312 p. [in Russian]
- Stiegler, B. (1998). *Technics and Time, 1: The Fault of Epimetheus*. Stanford: Stanford University Press. [in English]
- Trufanova, E.N., & Khan, Sh.Dzh. (2022). Transformations of cultural identity in the digital era. *Voprosy Filosofii*, (12), 84–94. [in Russian]
- UNESCO. (2005). *Towards Knowledge Societies: World Report*. Paris: UNESCO Publishing. [in English]
- Yuan, W. (2023). *Reflections on Human Subjectivity in the Information Society from the Body Philosophy*. Beijing: Social Sciences Press. [in English]
- Zuboff, S. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism: The Fight for a Human Future at the New Frontier of Power*. New York: Public Affairs. [in English]

Авторлар туралы мәлімет / Сведения об авторах / Information about authors:

Кульжанова Гульбарам Тимеркановна – философия ғылымдарының кандидаты, доцент, ҚР ІІМ Шырақбек Қабылбаев атындағы Қостанай академиясы, Абай даңғылы, 11, 010000, Қостанай, Қазақстан, Gulbaram2012@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6639-6683>

Kulzhanova Gulbaram Timerkanovna – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Kostanay Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Republic of Kazakhstan named after Shrakbek Kabylbayev, Kostanay, Kazakhstan, Gulbaram2012@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6639-6683>

Кульжанова Гульбарам Тимеркановна – кандидат философских наук, доцент, Костанайская академия МВД РК имени Шракбека Кабылбаева, Костанай, Казахстан, Gulbaram2012@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-6639-6683>

Прилукова Екатерина Григорьевна – философия ғылымдарының докторы (PhD), доцент, Оңтүстік-Орал мемлекеттік университеті, Ленин даңғылы, 76, 454080, Челябині, Ресей, prilukova74@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0502-2917>

Prilukova Ekaterina Grigoryevna – Doctor of Philosophy (PhD), Associate Professor, South Ural State University, 76 Lenin Avenue, 454080, Chelyabinsk, Russia, prilukova74@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0502-2917>

Прилукова Екатерина Григорьевна – доктор философских наук, доцент, Южно-Уральский государственный университет, пр. Ленина, 76, 454080, Челябинск, Россия, prilukova74@gmail.com, <http://orcid.org/0000-0002-0502-2917>

Мақала туралы ақпарат / Информация о статье / Information about the article

Редакцияға түсті / Поступила в редакцию / Entered the editorial office: 26.10.2025

Рецензенттер мақұлдаған / Одобрена рецензентами / Approved by reviewers: 21.11.2025

Жариялауға қабылданды / Принята к публикации / Accepted for publication: 10.12.2025